

ИМЕНЕМ КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Р Е Ш Е Н И Е

КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА

КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

по делу о проверке конституционности частей 1, 2 статьи 167 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики в связи с обращением Алагушева Акмата Киргизбаевича, Сыдыкова Нурбека Кудайбердиевича

8 июня 2022 года

город Бишкек

Конституционный суд Кыргызской Республики в составе: председательствующего Осконбаева Э.Ж., судей Бобукеевой М.Р., Дуйшеева К.А., Жумабаева Л.П., Касымалиева М.Ш., Кыдырбаева К.Дж., Шаршеналиева Ж.А. при секретаре Оморкановой Г.А. с участием:

обращающейся стороны – Алагушева Акмата Киргизбаевича, Сыдыкова Нурбека Кудайбердиевича;

стороны-ответчика – Жусубакунова Мирбека Урановича, Ырысбекова Талантбека Ырысбековича, представителей Жогорку Кенеша Кыргызской Республики по доверенности;

третьих лиц – Сапияновой Маргариты Насаркановны, представителя Верховного суда Кыргызской Республики по доверенности, Конкубаевой Умуткан Ургазиевны, представителя Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики по доверенности, Сабырова Кубанычбека Сабыровича, представителя Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики по доверенности, Бегимбаевой Махабат Сагынбековны, представителя Министерства юстиции Кыргызской

Республики по доверенности, Мусаева Байтика Мусаевича, представителя Министерства внутренних дел Кыргызской Республики по доверенности,

руководствуясь частями 1, 2 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 4, 17, 40, 45 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики», рассмотрел в открытом судебном заседании дело о проверке конституционности частей 1, 2 статьи 167 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Поводом к рассмотрению данного дела явилось ходатайство Алагушева А.К., Сыдыкова Н.К.

Основанием к рассмотрению данного дела явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Кыргызской Республики части 1, 2 статьи 167 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики.

Заслушав информацию судьи-докладчика Бобукеевой М.Р., проводившей подготовку дела к судебному заседанию, и, исследовав представленные материалы, Конституционный суд Кыргызской Республики

У С Т А Н О В И Л:

В Конституционный суд Кыргызской Республики 21 января 2022 года поступило ходатайство Алагушева А.К., Сыдыкова Н.К. о проверке соответствия частей 1, 2 статьи 167 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее - УПК) части 2 статьи 23, части 2 статьи 32, частям 1, 2 статьи 61 Конституции Кыргызской Республики.

Определением коллегии судей Конституционного суда Кыргызской Республики от 14 февраля 2022 года ходатайство было принято к производству.

В судебном заседании обращающаяся сторона поддержала свои требования и отметила следующее.

Заявители считают, что из смысла оспариваемых норм следует право

следователя по любому делу предупреждать всех участников о недопустимости разглашения данных следствия. Указанное ограничение прав является необоснованным и несоразмерным, противоречит Конституции и взятым государством на себя международным обязательствам.

Субъекты обращения отмечают, что в настоящее время правоохранительные органы злоупотребляют оспариваемыми нормами и предупреждают об уголовной ответственности по делам, где нет процессуальной необходимости отобрания подписки о неразглашении данных следствия.

В обоснование своих доводов Алагушев А.К. и Сыдыков Н.К. приводят в качестве примеров ряд конкретных фактов, которые, по их мнению, наглядно показывают несоразмерность ограничения конституционных прав на свободу выражения мнения и судебную защиту.

Заявители в своем обращении ссылаются на пункт 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому, ограничение свободы выражения мнения, в том числе права на доступ к информации, могут быть ограничены только законом и являются необходимыми для: уважения прав и репутации других лиц; охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Кроме того, субъекты обращения приводят положения из Замечания общего порядка №34 Комитета по правам человека ООН, согласно которым, ограничения могут быть установлены исключительно при соблюдении вышеуказанных условий пункта 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также при строгом соблюдении требований необходимости и соразмерности.

Алагушев А.К. и Сыдыков Н.К. считают, что действующая редакция частей 1, 2 статьи 167 УПК не отвечают обозначенным выше положениям Международного пакта о гражданских и политических правах, поскольку оспариваемые нормы разрешают во всех случаях ограничивать право на

свободу выражения мнения. В этой связи заявители полагают, что ограничение права остается на усмотрение уполномоченного лица без необходимости учета им каких-либо условий, в целях которых отбирается подписка, где не указывается время его действия. Поэтому субъекты обращения отмечают, что оспариваемыми нормами необоснованно ограничивается право на свободу выражения мнения, поскольку не регламентированы сроки действия подписки о неразглашении данных следствия.

Заявители также указывают, что оспариваемые нормы не отвечают требованиям положений части 2 статьи 23 Конституции, поскольку допускают вынесения следователем предупреждения по всем уголовным делам без указания какой-либо законной цели: защиты национальной безопасности, общественного порядка, охраны здоровья и нравственности населения, защиты прав и свобод других лиц.

Также заявители утверждают, что в случае дачи подписки, защитник не сможет в полной мере реализовать свое право собирать доказательства путем получения предметов, документов и иных сведений, опроса лиц с их согласия, истребования справок, характеристик, иных документов от органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые документы или их копии, получения заключений специалистов.

Субъекты обращения приходят к выводу, что указанные выше обстоятельства свидетельствуют о нарушении положения статьи 61 Основного Закона, гарантирующего каждому судебную защиту прав и свобод, предусмотренных Конституцией, законами, международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика.

С учетом изложенного Алагушев А.К., Сыдыков Н.К. просят признать части 1, 2 статьи 167 УПК противоречащими Конституции.

Представитель стороны-ответчика Жусубакунов М.У. считает доводы заявителей необоснованными, а их требования не подлежащими удовлетворению по следующим основаниям.

Он отмечает, что обращающаяся сторона не смогла обосновать, каким образом оспариваемые нормы нарушают права и свободы человека и гражданина, признаваемые Конституцией, а лишь перечислила факты нарушений требований норм уголовного процессуального законодательства и Конституции, а также злоупотреблений со стороны правоохранительных органов, выражающихся в предупреждении об уголовной ответственности по делам, где нет процессуальной необходимости отобрания подписки о неразглашении данных досудебного производства.

Представитель стороны-ответчика утверждает, что часть 1 статьи 167 УПК касается как следователя, так и других участников уголовного судопроизводства, то есть неразглашение данных следствия направлено на установление истины по делу. В свою очередь, часть 2 статьи 167 УПК определяет форму исполнения части 1 этой же статьи и указывает на право следователя отбирать подписку с предупреждением об ответственности в соответствии с Уголовным кодексом (далее – УК). Данное действие следователя должно исходить от конкретных обстоятельств расследуемого дела.

Представитель Жогорку Кенеша считает, что засекречиванию подлежат дела, где проходят сведения, касающиеся государственной тайны, частной жизни граждан, несовершеннолетних и других, и которые могут причинить ущерб участникам уголовного судопроизводства.

Жусубакунов М.У. полагает, что имеет место неправильное применение норм УПК со стороны следователей, которые чрезмерно засекречивают данные следствия по делам, где в этом нет необходимости.

Представитель стороны-ответчика, ссылаясь на положение части 2 статьи 23 Конституции, указывает, что любое произвольное и безосновательное ограничение прав участников уголовного процесса со стороны

правоохранительных органов должно быть пресечено органами прокуратуры, призванными обеспечивать защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина посредством прокурорского надзора.

Он также считает, что рассматриваемый вопрос может быть урегулирован посредством принятия межведомственных приказов об установлении перечня уголовных дел, которые могут быть засекречены. При изучении этого вопроса было выяснено, что до настоящего времени в правоприменительной практике по нему споров не возникало. Исходя из этого, представитель стороны-ответчика приходит к выводу, что указанная проблема возникла не из-за оспариваемых норм УПК, а из-за недостатков следственной практики.

Второй представитель Жогорку Кенеша Ырысбеков Т.Ы. поддержал доводы Жусубакунова М.У.

Представитель Верховного суда Кыргызской Республики Сапиянова М.Н. по существу вопроса отмечает, что предусмотренные в разделе VII УПК действия производятся конфиденциально, поскольку существование относительно самостоятельного и обязательного досудебного производства со свойственными только ему задачами и средствами их достижения предопределило в целом негласный характер доследственной проверки и следствия.

Сапиянова М.Н. считает, что в соответствии с частью 5 статьи 10, частями 3, 4 статьи 29 Конституции, законодатель вправе устанавливать нормы императивного характера, как в части 1 статьи 167 УПК.

По мнению представителя Верховного суда закрепление требований в части 2 статьи 167 УПК обусловлено тем, что предание гласности данных следствия может не только привести к нарушению прав и законных интересов граждан, но и воспрепятствовать достижению целей уголовного судопроизводства в целом: осложнить производство по уголовному делу, повлечь утрату собранных по делу доказательств, создать условия для уничтожения доказательств подозреваемым или обвиняемым, позволить им скрыться от следствия и суда. Вместе с тем, Сапиянова М.Н. отмечает, что в

указанных нормах не раскрываются, какие именно данные, полученные в ходе следствия, не подлежат разглашению. Законодатель, предоставляя следственным органам право действовать по своему усмотрению, допускает возможность введения несоразмерных ограничений.

На основании изложенного Сапиянова М.Н. полагает, что законодательно должны быть закреплены данные, разглашение которых не может быть ограничено.

Представитель Генеральной прокуратуры Кыргызской Республики Конкубаева У.У. указывает, что согласно статье 36 УПК следователь, как должностное лицо, уполномоченное в пределах своей компетенции самостоятельно осуществлять следствие по уголовному делу, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, обязан обеспечивать при расследовании уголовного дела охрану прав и свобод человека и гражданина, возможность осуществления участниками уголовного судопроизводства своих прав, осуществлять действия и принимать решения, исключающие предпосылки для унижения чести и достоинства участников уголовного судопроизводства, опасность для их жизни и здоровья. При этом возложение на следователя как обладателя информации, полученной в ходе досудебного производства, обязанности сохранения тайны следствия не исключает необходимости использования им всего комплекса предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве и не препятствует сторонам обвинения и защиты в реализации своих прав.

Вместе с тем, по мнению Конкубаевой У.У., в материалах уголовного дела могут содержаться сведения, прямо или косвенно относящиеся к охраняемой законом тайне, такие как персональные данные, налоговая, банковская, коммерческая, медицинская тайна, тайна усыновления и так далее, а потому их огласку следует рассматривать как посягающее на права личности и тем самым представляющее общественную опасность. Необоснованное предание огласке данных следствия может привести к

нарушению прав и законных интересов граждан, осложнить производство по уголовному делу.

Представитель Генеральной прокуратуры считает, что статья 167 УПК не содержит положений, препятствующих защитнику в реализации прав, предоставленных ему на стадии следствия, а также ограничивающих его право при окончании этой стадии, в том числе, право знакомиться со всеми материалами уголовного дела.

С учетом изложенного Конкубаева У.У. приходит к выводу, что части 1, 2 статьи 167 УПК не противоречат части 2 статьи 23, части 2 статьи 32, частям 1, 2 статьи 61 Конституции.

Представитель Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики Сабыров К.С. придерживается такой же позиции, как представитель стороны - ответчика.

При этом он отмечает, что в соответствии с Законом «Об оперативно-розыскной деятельности», органы дознания для раскрытия преступления проводят негласные оперативно-розыскные мероприятия, методы и результаты которых, составляют государственную тайну. Соответственно, в этих целях необходимо соблюдать тайну следствия путем обеспечения недопустимости разглашения данных следствия.

Как указывает представитель Государственного комитета национальной безопасности, согласно методам прикладной юридической науки - криминалистики, следователь, исходя из совокупности следственных обстоятельств, выбирает следственную тактику для установления события и состава преступления, собирания и оценки доказательств, и привлечения причастных лиц к уголовной ответственности. Поэтому законодатель уполномочил следователя, как процессуально независимое должностное лицо, по своему усмотрению отбирать подписку о неразглашении данных следствия в целях полного раскрытия преступления. Следовательно, данное действие следователя является его правом, а не императивной нормой.

Кроме того, Сабыров К.С. отмечает, что сторона защиты в своих действиях не ограничена и вправе вносить соответствующие ходатайства о проведении тех или иных следственных действий, а также принимать в них участие.

С учетом изложенного, представитель Государственного комитета национальной безопасности считает доводы Алагушева А.К. и Сыдыкова Н.К. не состоятельными и не подлежащими удовлетворению.

Представитель Министерства юстиции Кыргызской Республики Бегимбаева М.С. отмечает, что тайна следствия имеет две цели: с одной стороны - гарантировать надлежащее проведение следственных действий, направленных на предупреждение нарушений общественного порядка, и установления лиц, совершивших преступления и правонарушения, с другой стороны - защита лиц, заинтересованных в расследовании, гарантирующая право на неприкосновенность частной жизни и презумпцию невиновности.

Кроме того, Бегимбаева М.С. считает, что тайна следствия является частью логики, которая, прежде всего, направлена на защиту всеобщих интересов - доказательств и свидетелей, а также методов расследования, раскрытие которых может помешать следователям сделать определенные выводы.

По мнению представителя Министерства юстиции, государство может быть вынуждено в некоторой степени ограничить права, закрепленные в Конституции, в целях обеспечения других конституционных прав, в связи с чем, ограничение на разглашение данных следствия лицами, которым в силу своего положения они стали известны, считается законодательно оправданной мерой и прямо не противоречит части 2 статьи 23, части 2 статьи 32 Конституции.

Вместе с тем Бегимбаева М.С. утверждает, что с учетом объема прав, гарантированных Конституцией (часть 1 статьи 33, статья 35, части 1, 2 статьи 61), которые также подлежат полноценной реализации и соблюдению, оспариваемая норма части 1 статьи 167 УПК не может иметь абсолютный

характер. В этой связи она полагает, что в целях недопущения безосновательного ограничения прав, а также исключения возможности наделения следователя дискреционными полномочиями целесообразно нормативно определить случаи, при которых данные следствия не подлежат разглашению никаким образом.

Учитывая изложенное, представитель Министерства юстиции считает, что оспариваемые нормы не противоречат Конституции. При этом отмечает о необходимости проведения дополнительного анализа части 1 статьи 167 УПК с учетом вышеуказанных обстоятельств.

Представитель Министерства внутренних дел Кыргызской Республики Мусаев Б.М. считает, что общественная опасность несанкционированного предания огласке данных следствия состоит в том, что может существенно повлиять на интересы правосудия, в том числе, на: необходимость установления и розыска лиц, совершивших преступления; предотвращение возможного уничтожения доказательств соучастниками или иными заинтересованными в исходе уголовного дела лицами; исключения возможности обвиняемым скрыться от следствия и суда; сокрытия добытых преступным путем вещественных доказательств; предупреждения своих сообщников или иного способа воспрепятствования установлению истины по делу. Также разглашение данных может создать неверное общественное мнение о лице, обвиняемом в совершении преступления, жертве преступления и негативно сказаться на родных и близких участников уголовного процесса.

Мусаев Б.М. утверждает, что тайна следствия и судопроизводства должна рассматриваться как элемент единой системы информации с ограниченным доступом, обладающая особыми признаками как вид профессиональной тайны.

Исходя из вышеизложенного, представитель Министерства внутренних дел считает оспариваемые нормы не противоречащими Конституции.

Конституционный суд Кыргызской Республики, обсудив доводы сторон, выслушав пояснения третьих лиц, и, исследовав материалы дела, пришел к следующим выводам.

1. В соответствии с частью 4 статьи 17 конституционного Закона «О Конституционном суде Кыргызской Республики» Конституционный суд выносит акты по предмету, затронутому в обращении, лишь в отношении той части нормативного правового акта, конституционность которой подвергается сомнению.

Таким образом, предметом рассмотрения Конституционного суда Кыргызской Республики по данному делу являются части 1, 2 статьи 167 УПК следующего содержания:

«Статья 167. Недопустимость разглашения данных следствия

1. Данные, полученные в ходе следствия по уголовному делу, не подлежат разглашению.

2. Следователь, прокурор предупреждают свидетеля, потерпевшего, адвоката, эксперта, специалиста, переводчика и других лиц, присутствующих при производстве следственных действий, о недопустимости разглашения данных следствия и вправе отобрать у них подписку с предупреждением об ответственности в соответствии с Уголовным кодексом.».

Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года №129 был принят в соответствии с порядком, установленным законодательством, опубликован в газете «Эркин-Тоо» от 16 ноября 2021 года №122-123, внесен в Государственный реестр нормативных правовых актов Кыргызской Республики и является действующим.

2. Согласно Конституции, в Кыргызской Республике, как в правовом, демократическом государстве права и свободы человека относятся к высшим ценностям, они действуют непосредственно, определяют смысл и содержание деятельности всех государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц (статьи 1, 23 Конституции).

Провозглашая вышеуказанные ценностные ориентиры, Конституция гарантирует каждому право на свободу мысли, выражения своего мнения, свободу слова и печати (части 1 и 2 статьи 32). Данное право является одним из неперемных условий свободного развития общества и самореализации каждой личности.

Вышеотмеченные конституционные установления отнесены во всех универсальных международных договорах в сфере прав человека к фундаментальным правам и требуют их обеспечения путем предоставления действенных законодательных механизмов (статья 19 Всеобщей декларации прав человека, статья 19 Международного пакта о гражданских и политических правах).

Конституционная палата Верховного суда Кыргызской Республики в своем Решении от 24 июня 2015 года отмечала, что свобода выражения мнения, свобода слова и печати являются необходимыми условиями самовыражения человека, формирования его активной жизненной позиции, осознания им собственной значимости и ценности, удовлетворения потребности быть услышанным и слышать других. Гарантия свободы выражения мнения заключается в защите человека от ограничения возможности мыслить свободно и независимо. Следовательно, мнение не может проявляться свободно, если невозможно его свободно высказать.

Таким образом, правовое содержание права человека свободно выражать своё мнение - это его возможность публично высказывать, предавать гласности, беспрепятственно выражать, распространять любым способом свои мысли, мнения и убеждения.

Вместе с тем, как указывалось в Решении Конституционной палаты Верховного суда Кыргызской Республики от 29 декабря 2014 года, право на свободу выражения своего мнения, свободу слова должно реализовываться ответственно и в той мере, в какой не нарушает права и свободы других лиц, установленных Конституцией и законами. Эта правовая позиция имеет ключевое значение в деле поддержания баланса между такими

конституционными ценностями, как права и свободы личности и ее ответственное поведение в обществе.

Следовательно, несмотря на то, что ценность свободы слова и выражения мнения в демократическом обществе заключается в ее реальном проявлении во всех сферах общественной жизни и должно приводить к ее презумпции, тем не менее, данная свобода не может быть абсолютной, поскольку природа социума предполагает соприкосновение различных интересов, которые могут носить как публичный, так и частный характер. Поэтому ограничения рассматриваемой свободы допустимы, однако они должны быть продиктованы необходимостью уважения таких же прав и свобод других людей, соответствовать и быть соразмерными конституционным установлениям, предусмотренным частью 2 статьи 23 Конституции. Это согласуется и с нормами международного права. Так, в пункте 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах указано, что пользование правом на свободное выражение своего мнения налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые должны быть установлены законом, и являться необходимыми для уважения прав и репутации других лиц, а также охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения.

3. Обеспечение безопасности каждой личности и общества в целом является стратегической задачей государства, нацеленной на его устойчивое развитие. Реализация указанной задачи требует от государства полной самоотдачи, принятия комплекса всеобъемлющих мер, включая действенные механизмы правового регулирования.

Признавая, что общее благополучие общества напрямую зависит от состояния правопорядка и уровня законности, законодатель ввел институт уголовной ответственности за посягательство на жизнь, здоровье, имущество, права и свободы человека и гражданина, порядок осуществления экономической деятельности, общественную безопасность и общественный

порядок, государственную власть, военную службу и международный правопорядок.

Наряду с обеспечением общественной безопасности этот институт выполняет общую превентивную (предупреждение преступности в целом), и специальную превентивную (воспитательную) функции. Специальная превенция в значительной степени предотвращает совершение конкретными правонарушителями новых преступлений, заставляет их воздержаться в будущем от неправомерного поведения, чтобы избежать повторного наступления для них неблагоприятных последствий. Своевременное и неотвратимое наказание виновных создает у граждан представление о незыблемости существующего правопорядка, укрепляет веру в справедливость и мощь государственной власти, уверенность в том, что их жизнь, здоровье, имущество, права и интересы будут надежно защищены. Это в свою очередь придает борьбе с преступностью необходимую эффективность, способствует повышению правосознания и правовой культуры, ответственности и дисциплинированности граждан, активизации их общественной деятельности, а, в конечном счете, – укреплению законности и правопорядка в стране.

По этой причине одним из ключевых принципов уголовно-процессуального законодательства является неотвратимость ответственности, означающая, что каждое преступление должно быть раскрыто, расследовано, а виновный - подвергнут справедливому правосудию.

В современных условиях динамично изменяющегося общества, расширения и усложнения всех сфер человеческой жизнедеятельности, преступления также приобретают все более изобретательный и изощренный характер. Соответственно, методы следствия не только нуждаются в постоянном совершенствовании и внедрении все новых средств, отвечающих сегодняшним реалиям, но и в специальных защитных мерах, каковым, в том числе, относится закрепленное в статье 167 УПК требование о неразглашении данных следствия.

4. Запрет на разглашение данных следствия имеет целью защиту как важных публичных интересов, так и частных интересов.

К публичным интересам, прежде всего, относятся защита методов расследования (информация о следственных версиях, тактика следственных действий, меры безопасности, применяемые в отношении участников расследования), сведения о результатах отдельных следственных действий, раскрытие которых может негативно отразиться на итогах расследования преступления, а также защита собранных доказательств по делу, огласка которых может повлечь их утрату, создать условия для их уничтожения подозреваемым или обвиняемым, что позволит им скрыться от следствия и суда, воспрепятствовать следствию иным образом.

К частным интересам относятся защита охраняемых законом тайн, чести, достоинства и деловой репутации подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, а также безопасность других участников уголовного процесса. В материалах уголовного дела как правило содержатся сведения, прямо или косвенно относящиеся к охраняемой законом тайне, такие как персональные данные лица, специфичные для его биологической, экономической, культурной, гражданской или социальной идентичности (биографические и опознавательные данные, личные характеристики, сведения о семейном, финансовом положении, особенностей состояния здоровья и прочее). Их несанкционированное разглашение должно рассматриваться как посягательство на права личности, представляющее серьезную угрозу ее законным интересам.

Обеспечение тайны следствия также означает необходимость соблюдения принципа презумпции невиновности для того, чтобы ни один подозреваемый, обвиняемый не стал заблаговременно жертвой публичного осуждения. Кроме того, оно направлено на предотвращение нарушения права потерпевших, свидетелей на сохранение в тайне обстоятельств преступления, жертвами или свидетелями которого они стали, раскрытие которых может нанести им физический или психологический вред.

Исходя из того, что запрет может быть действенным лишь в случае установления системы ответственности за его нарушения, законодатель предусмотрел в статье 356 УК уголовную ответственность за разглашение данных досудебного производства или закрытого судебного разбирательства лицом, предупрежденным в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения и только в случае, если разглашение данных досудебного разбирательства совершено без согласия прокурора или следователя.

Таким образом, запрет на разглашение данных следствия, преследуя важные публичные и частные интересы, соотносится с конституционным установлением о возможности ограничения конституционных прав и свобод в целях защиты общественного порядка, прав и свобод других лиц (часть 2 статьи 23 Конституции).

В то же время запрет на разглашение данных следствия не может являться абсолютным, так как априори не все сведения, находящиеся в распоряжении следствия, в обязательном порядке содержат тайну или же сведения, раскрытие которых может нанести ущерб интересам следствия и участникам уголовного процесса.

5. Предмет тайны следствия предполагает, прежде всего, что информация с точки зрения ее содержания, характеристики и доступности должна быть ограниченной. Однако, содержание каждого дела включает в себя также и иную информацию, которая может использоваться в целях защиты интересов участников уголовного судопроизводства как со стороны обвинения, так и со стороны защиты.

Так, не могут составлять тайну следствия сведения о факте совершения преступления; о возбуждении уголовного дела, о задержании и применении меры пресечения; предъявлении обвинения; об окончании расследования и составлении обвинительного заключения, прекращении дела, либо его приостановлении, о нарушениях прав и свобод, человека и гражданина; о фактах нарушения закона органами государственной власти и их

должностными лицами; сведения, распространенные следователем или прокурором в средствах массовой информации; в сети «Интернет» или иным публичным способом; сведения, которые уже были преданы гласности.

Кроме того, в качестве исключения из правила о неразглашении данных следствия могут быть сведения из материалов уголовного дела содержащиеся в ходатайствах, заявлениях, жалобах и иных процессуальных документах, в том числе в заявлениях и других документах, подаваемых в государственные и международные органы по защите прав и свобод человека.

Даже данные о частной жизни участников досудебного производства, ставшие известными в ходе следствия, в том числе и обвиняемого, в исключительных случаях могут быть сообщены третьим лицам или средствам массовой информации, при наличии согласия того лица, которого они касаются, если это отвечает его интересам.

В связи с чем, такие сведения в рамках реализации каждым конституционного права на свободу выражения мнения в системной связи с правом защищать свои права и свободы всеми доступными способами, не запрещенными законом, могут быть использованы в публичном пространстве, в том числе в средствах массовой информации и социальных сетях, и являться одним из инструментов и способов защиты интересов подозреваемого, обвиняемого либо потерпевшего. Данные сведения также могут быть использованы для информирования общественности как мера гражданского контроля над деятельностью правоохранительных органов.

Особо следует отметить, что любые меры, направленные на ограничение разглашения данных следствия, не могут никоим образом ущемлять право участников уголовного судопроизводства требовать от следователя или прокурора конкретизации той информации, которую они не вправе разглашать, с тем, чтобы их огласка не противоречила интересам следствия и не нарушала их права и законные интересы.

Таким образом, регламентация вопросов, связанных с неразглашением сведений, составляющих тайну следствия, должна происходить с учетом

содержательной части этих сведений, их соотношения с интересами следствия и (или) правами и законными интересами участников уголовного судопроизводства, допустимости их разглашения на основе строго очерченных законодательных критериев для того, чтобы обеспечить баланс конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, прав и свобод человека и гражданина, соблюдение которых требуют принципы справедливости, равенства и соразмерности.

Кроме того, исходя из необходимости строгого соблюдения принципа правовой определенности при нормативной регламентации вопросов уголовного судопроизводства и недопущения возможности неограниченного усмотрения для правомочных процессуальных лиц, подлежат более четкому нормативному урегулированию такие аспекты оспариваемых норм, как основания для признания данных следствия не подлежащими разглашению, а также допустимый период их действия.

В этой связи законодателю в статье 167 УПК следует, наряду с разрешением вышеобозначенных проблем правового регулирования, определить перечень сведений, которые могут быть преданы гласности с разрешения следователя или прокурора, если разглашение не противоречит интересам следствия и не связано с нарушением прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, а также сведений, на которые не распространяется запрет на предание гласности данных следствия, и сведений, которые не могут быть признаны разглашением данных следствия.

6. Принимая во внимание, что в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством любое действие (бездействие) и решение органа дознания, следователя, руководителя следственного подразделения, прокурора могут быть обжалованы в суде участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами, если проводимое процессуальное действие (бездействие) или решение затрагивает их интересы (статьи 125, 130 УПК), с учетом выводов Конституционного суда по рассматриваемому вопросу, изложенным в пунктах 3-5 настоящего Решения, Конституционный суд считает, что

правоприменение оспариваемой нормы не создает юридических предпосылок для нарушения права на судебную защиту прав и свобод, предусмотренных Конституцией, законами, международными договорами, участницей которых является Кыргызская Республика, общепризнанными принципами и нормами международного права. Конституционный суд также не усматривает нарушения конституционного права защищать свои права и свободы, а также обеспечивать восстановление нарушенных прав всеми доступными способами, не запрещенными законом (части 1, 2 статьи 61).

На основании изложенного и руководствуясь пунктом 2 части 2, частью 4 статьи 97 Конституции Кыргызской Республики, статьями 48, 49, 52 и 53 конституционного Закона Кыргызской Республики «О Конституционном суде Кыргызской Республики», Конституционный суд Кыргызской Республики

РЕШИЛ:

1. Признать части 1, 2 статьи 167 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики противоречащими части 2 статьи 23, части 2 статьи 32 Конституции Кыргызской Республики в той мере, в которой не отвечают принципу правовой определенности и не содержат перечня сведений, которые могут быть преданы гласности, если их разглашение не противоречит интересам следствия и не нарушает прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

2. Кабинету Министров Кыргызской Республики инициировать изменения в законодательство, вытекающие из пункта 5 мотивировочной части настоящего Решения.

3. Решение окончательное и обжалованию не подлежит, вступает в силу с момента провозглашения.

4. Решение обязательно для всех государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений,

юридических и физических лиц и подлежит исполнению на всей территории республики.

5. Опубликовать настоящее решение в официальных изданиях органов государственной власти, на официальном сайте Конституционного суда и в «Вестнике Конституционного суда Кыргызской Республики».

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**